

ЗАПРЕТНЫЯ ИДЕИ.

I.

Развѣ могутъ или должны быть запретныя идеи? скажутъ намъ многіе. Развѣ можно налагать запрещеніе на изслѣдованіе чего-либо. Человѣчество въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей давно и ненарушимо установило, что изслѣдованіе свободно, что все можетъ подлежать изслѣдованію, и что характеръ рѣшенія тѣхъ или иныхъ изслѣдуемыхъ вопросовъ есть дѣло личной совѣсти, а не общаго закона. Въ прошедшемъ бывали запретныя идеи и вопросы. Когда индеецъ спрашивалъ: на чемъ стоитъ міръ? Ему отвѣчали: на слонѣ. На вопросъ: на чемъ стоитъ слонъ? слѣдовалъ отвѣтъ: на черепахѣ. Если любознательность простиралась далѣе, то объявлялось, что спрашивать, на чемъ стоитъ черепаха, значить совершать смертный грѣхъ. Не трудно видѣть, что запрещеніе, наложенное на вопросъ, въ данномъ случаѣ было слѣдствіемъ неумѣнья дать на него отвѣтъ. Въ другихъ случаяхъ подобныя запрещенія имѣли для себя причину нежеланіе отвѣчать, нежеланіе обыкновенно обуславливавшееся корыстными побужденіями. Когда въ какомъ-либо древнемъ государствѣ, жрецы монополизировали занятія медициною и наукой и другимъ кастамъ были запрещаемы эти занятія, то очевидно причиною запрещенія было корыстолюбіе. И такъ корысть и невѣжество, вотъ два начала, стѣснявшія или можетъ быть еще и стѣсняющія свободу изслѣдованія, стѣснявшія и стѣсняющія и свободу вообще. По мѣрѣ того, какъ люди становятся правдивнѣе и разумнѣе, они предоставляютъ болѣе свободы своимъ ближнимъ. Такъ говорятъ нѣкоторые.

Въ этомъ разсужденіи есть доля правды, но лишь доля. Нетрудно показать, что запрещеніе можетъ быть вызываемо и благородными и основательными побужденіями. Даже въ только что приведенномъ разсказѣ о черепахѣ можно усматривать нѣчто иное, чѣмъ то, что видятъ въ немъ неумѣренныя борцы за свободу. Сущность дѣла заключается вѣдь не въ слонѣ и черепахѣ, а въ вопросѣ объ опорѣ міра. Отыскивавшіе эту опору, увидѣли, что и для опоры должна быть опора и разъ она будетъ найдена, то и для нея нужно будетъ искать опоры и такъ придется идти въ безконечность. Но безконечный путь пройти нельзя и попытки идти по немъ въ данномъ случаѣ влекутъ за собою лишь бесплодную потерю умственныхъ силъ и времени. Всякая бесплодная дѣятельность есть въ тоже время вредная и поэтому запрещеніе ея можетъ быть признано лишь полезнымъ. Можно, конечно, ошибиться и признать бесплодную дѣятельность, которая могла - бы дать плодъ, но въ данномъ случаѣ такой ошибки не было: путь, по которому пытались идти любознательныя индійцы, не могъ привести ни къ чему, не потому что онъ былъ безконеченъ, но потому что онъ былъ ошибоченъ. Подобно этому нѣкогда академіи наукъ постановили не принимать разсужденій о квадратурѣ круга и *perpetuum mobile* и тѣмъ очевидно рѣшили наложить запрещеніе на занятія этими проблемами. Постановленіе академій было благодѣтельно: число искавшихъ квадратуры круга и *perpetuum mobile* значительно уменьшилось, между тѣмъ академіи, издавая свое постановленіе, еще не имѣли доказательствъ ни того, что отношеніе діаметра къ окружности не можетъ быть выражено точной алгебраической формулой, ни того, что количество энергіи въ мірѣ неизмѣнно: ни доказательства Линдемана, что π не есть корень алгебраическаго уравненія, ни ученія Докауля и Мейера о сохраненіи энергіи, положившаго конецъ исканію *perpetuum mobile*, еще не было. Члены академіи только замѣтили, что много лицъ безъ пользы и со вредомъ тратятъ время на разрѣшеніе означенныхъ вопросовъ, и пришли къ заключенію, что лучше бы было, еслибы этими вопросами не занимались, — отсюда ихъ постановленіе. Они были правы: означенными вопросами не нужно было заниматься, потому что они неразрѣшимы, что доказано въ настоящее время.

Такъ нѣкоторыя запрещенія изслѣдовать тѣ или другія проблемы были полезными. Это въ области умозрѣнія. Но въ области практической можно показать, что запрещенія часто бываютъ безусловно необходимы: дѣтямъ, пьянымъ и сумасшедшимъ нельзя предоставлять полной свободы дѣйствія: дѣти—какъ это очень часто бываетъ въ крестьянскихъ селеніяхъ—сжигаютъ дома, пьяные, которыхъ уголовное право трактуетъ, какъ людей краткосрочно помѣшанныхъ, совершаютъ насилія и убійства, сумасшедшіе часто губятъ самихъ себя, выпрыгивая изъ 3-го и 4-го этажа. Очевидно, во имя блага должно насиліемъ противодействовать намѣреніямъ этихъ лицъ. Замѣтимъ при этомъ, что если легко отличить 10 лѣтняго ребенка отъ 30 лѣтняго мушаны, пьянаго отъ невыпившаго ни капли вина и обыкновеннаго человѣка отъ человѣка, находящагося въ припадкѣ водобоязни, то ипогда оказывается очень труднымъ провести границу между взрослымъ и невзрослымъ, пьянымъ, выпившимъ и не пившимъ, сумасшедшимъ и здравомыслящимъ и отсюда является труднымъ рѣшеніе вопроса: можно или нельзя предоставить тому или иному лицу полную свободу дѣйствій, а если признать даже справедливость за изрѣченіемъ: „*tous les hommes sont fous et ne different que du plus ou du moins*“, то должно согласиться, что принципиальное рѣшеніе вопроса о предоставленіи свободы не можетъ быть дано, что каждый отдѣльный случай долженъ быть обсуждаемъ особо и что при рѣшеніи вопроса объ увеличеніи и ограниченіи свободы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ при самыхъ благихъ намѣреніяхъ можно впасть въ пагубную ошибку.

Въ наше время особенно любятъ говорить о религіозной свободѣ.

За религіозную свободу наиболѣе стоятъ наименѣе вѣрующіе. Тотъ кто убѣжденъ, что онъ владѣетъ религіозной истиной, стремится 1) насадить и утвердить эту истину въ умахъ и сердцахъ другихъ людей и 2) по возможности ограждать другихъ отъ вліянія того, что онъ считаетъ лжеученіями. Дѣти и люди неразвитые, да и не одни неразвитые—не легко могутъ отличить религіозной истины отъ лжи, и легко могутъ быть сбиты съ праваго пути, отсюда является потребность устранить отъ нихъ вліяніе лжеучи-

телей, это можетъ быть достигнуто запрещеніемъ пропаганды своихъ ученій лицамъ инославнымъ. Трудно оспаривать законность такого запрещенія. Здравый смыслъ говоритъ намъ, что нельзя запрещать человѣку вѣрить или не вѣрить жи, но тотъ же здравый смыслъ обязываетъ насъ озаботиться о томъ, чтобы человѣкъ, вѣрующій жи, не заразилъ своею ложью другихъ. Отсюда, если въ странахъ православныхъ являются люди, общины или цѣлыя области, обитатели которыхъ держатся иныхъ религіозныхъ воззрѣній, то разъ эти вѣроученія не заключаютъ въ себѣ антиномистическихъ элементовъ и лица, держащіеся ихъ, обязываются не пропагандировать своихъ воззрѣній, имъ предоставляется религіозная свобода. (Таковъ принципъ вѣротерпимости въ Россіи). Требовать большаго могутъ можетъ быть и называющіе себя православными, но не сущіе таковыми. Православный есть тотъ, кто твердо убѣжденъ въ истинѣ православія, а таковой, зная, что людей можно увлекать ложно, не можетъ видѣть основаній для того, чтобы дозволить проповѣдывать ложь. Одинъ изъ русскихъ представителей либеральныхъ началъ поставилъ эпиграфомъ одной изъ своихъ статей отзывъ объ индійскомъ царѣ Асокѣ: „царь, любимый богами, даруетъ свободу всѣмъ сектамъ“. Намекъ, заключающійся въ этихъ словахъ, очевиденъ: въ религіозныхъ вопросахъ должно предоставить каждому полную свободу, нельзя преслѣдовать человѣка за его религіозныя убѣжденія. Многое повидимому подтверждаетъ справедливость такого принципа. Припомнимъ кровь пролитую за имя Христова въ первые 3 вѣка нашей эры, альбигойскія войны, ужасы варфоломеевой ночи, 30-ти лѣтнюю войну въ Германіи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ отсутствіе вѣротерпимости приносило глубокой вредъ. Однако достаточно немногихъ фактовъ иного характера, чтобы показать, что абсолютная свобода въ дѣлѣ религіи можетъ оказаться еще болѣе пагубною, чѣмъ самая грубая нетерпимость. Человѣческія жертвы и полигамія, допускаемыя нѣкоторыми религіями, не могутъ быть терпимы въ культурныхъ обществахъ. Есть религіозныя секты, имѣющія антиномистическій характеръ, такова, напримѣръ, секта скопцовъ. Послѣдователи ея, оскоряя самихъ себя, считаютъ дѣломъ богоугоднымъ оскорять другихъ, причемъ произ-

водять самыя возмутительныя насилія: доводя чловѣка, не имѣющаго ни малѣйшаго желанія стать скопцомъ, до бессознательнаго состоянія посредствомъ какого-либо одуряющаго питья, совершаютъ надъ нимъ свое ужасное обрѣзаніе. Понятно, что царь любимый Богомъ не можетъ терпѣть подобныхъ изувѣрныхъ фанатиковъ. У Гюго въ его драмѣ „Торквемада“ выведенъ мрачный инквизиторъ (по имени котораго названа драма), который, искренно любя людей, сжигалъ ихъ, думая, что кратковременныя мученія въ земномъ огнѣ избавятъ ихъ отъ огня вѣчнаго. Торквемада не представляетъ собою единичнаго исключенія. Нужно ли повторять, что подобныя религіозныя воззрѣнія не могутъ быть терпимыми.

Подобно тому какъ есть антиномистическія религіозныя ученія, такъ есть ученія политическія, стоящія въ противорѣчій съ основными аксіомами нравственности. Есть политическія ученія, позволяющія своимъ послѣдователямъ обманы, клятвопреступленія и убійства для проведенія въ жизнь своихъ убѣжденій. Одинъ изъ основныхъ параграфовъ устава этихъ людей предписываетъ имъ осуществлять свою политическую программу насиліемъ. Для того, чтобы быть въ безопасности отъ нихъ, надъ ними тоже должно употребить насиліе: ихъ должно лишить возможности дѣйствовать и ихъ теоріи должно подвергнуть запрещенію.

Такъ во многихъ случаяхъ является нужда въ запрещеніяхъ. Борцы за свободу не отвергаютъ этихъ случаевъ, напротивъ, въ послѣднее время, счастливо противорѣча себѣ, они энергично стремятся ограничить свободу тамъ, гдѣ по видимому ограниченіе ея является дѣломъ насилія. Разумѣемъ вотъ что. Есть и когда-то былъ въ силѣ экономическій принципъ: *laissez passer, laissez faire*, дающій широкій просторъ личной предприимчивости и устраняющій право государства ограничивать скопленіе капиталовъ въ частныхъ рукахъ. Этотъ принципъ требуетъ, чтобы государство не вмѣшивалось въ отношенія фабриканта къ рабочему, а лишь слѣдило—буде это потребуется—за исполненіемъ свободно принятыхъ условій съ той и другой стороны. На самомъ дѣлѣ: часы рабочаго дня и заработная плата устанавливаются свободно по обоюдному соглашенію хозяина и рабочихъ,—зачѣмъ-же вмѣшиваться въ эти свободныя отношенія? Однако

эта теорія невмѣстительства привела къ печальнымъ результатамъ: путемъ повидимому совершенно легальныхъ дѣйствій фабриканты устраивали то, что заработная плата все понижалась, а число рабочихъ часовъ въ суткахъ все увеличивалось. Рабочій становился жертвой, хозяинъ—паукомъ. Тогда явилась мысль о правительственной регламентаціи рабочаго дня и рабочей платы и постепенное осуществленіе этой мысли постепенно уменьшаетъ количество несправедливостей и злоупотребленій на фабрикахъ и постепенно увеличиваетъ благополучіе рабочаго люда.

Всѣмъ вышеизложеннымъ мы имѣли въ виду напомнить—въ подробныхъ доказательствахъ это не нуждается—что запрещенія могутъ быть, что они съ пользою могутъ быть направляемы и на идеи и на вѣрованія и на убѣжденія и на дѣйствія. Но цѣль настоящей статьи заключается вовсе не въ томъ, чтобы отыскивать и отмѣчать, гдѣ-бы въ настоящее время нужно было стѣснить свободу, напротивъ, цѣль настоящей статьи отстоять право на свободу изслѣдованія въ области, которую объявили запретною люди, считающіеся самыми либеральными и гуманными, и показать что, налагая запрещенія въ противорѣчіе своему принципу свободы на нижезлагаемыя задачи и идеи, эти люди на самомъ дѣлѣ не соблюдаютъ этихъ запрещеній, и что еслибы люди стали соблюдать ихъ, то имъ лучше было-бы, еслибы ихъ не было.

II.

Объяснить явленіе въ научномъ смыслѣ значитъ пайти его происхожденіе. Положимъ, геолога поражаетъ то обстоятельство, что горная флора и на швейцарскихъ альпахъ и на кавказскихъ горахъ и на Уралѣ представляетъ много сходнаго, между тѣмъ какъ флоры промежуточныхъ странъ представляютъ—каждая—много особенностей. Геологъ ищетъ объясненія этого въ прошлыхъ судьбахъ Европы. Въ Европѣ былъ ледниковый періодъ, тогда нынѣшняя горная растительность была единственною растительностію европейскихъ долинъ. Затѣмъ въ Европѣ стало теплѣе. Южныя растения начали передвигаться къ сѣверу и изъ Азіи, изъ сѣверной Африки, съ острововъ Средиземнаго моря южныхъ конеч-

ностей Европы, они вытѣснили сѣверныя чахлыя растенія, которыя въ этой неравной борьбѣ за существованіе и отступили на горы. Вытѣснявшія растенія въ различныхъ мѣстахъ были различны, вытѣсняемая одни и тѣже. Это обстоятельство произведшее нынѣшнюю европейскую флору и объясняетъ намъ ея распредѣленіе. Происхожденіе вещи всегда въ нѣкоторой мѣрѣ объясняетъ намъ ея свойства, но обыкновенно бываетъ, что вещь узнается раньше, чѣмъ ея происхожденіе. Растительность въ Европѣ изучали съ древнѣйшихъ временъ, но лишь въ XIX вѣкѣ былъ поставленъ вопросъ о ея происхожденіи. Воду знали въ теченіе тысячелѣтій и прошло лишь 100 лѣтъ, какъ узнали, что она происходитъ отъ соединенія водорода съ кислородомъ, въ опредѣленной пропорціи; металлы были извѣстны еще до потопа, однако ихъ происхожденіе представляетъ тайну и для настоящаго времени. Даже когда отыскиваютъ происхожденіе и извѣстной вещи, то обыкновенно оказывается, что открываютъ въ ней новыя свойства, которыя были незамѣчены ранѣе. Узнавая происхожденіе вещи, мы вмѣстѣ съ тѣмъ получаемъ объясненіе ея извѣстныхъ свойствъ и указаніе на то, что въ ней есть свойства незамѣченныя нами ранѣе. Но насъ интересуетъ происхожденіе и не всѣхъ вещей и не въ равной мѣрѣ. Юристъ равнодушенъ къ вопросу о происхожденіи млекопитающихъ и для біолога не представляетъ интереса вопросъ о происхожденіи современной Франціи. Для человѣка прежде всего интересно знать происхожденіе близкихъ ему вещей. Но есть одна вещь, происхожденіе которой равно занимаетъ многихъ и одинаково дорого всѣмъ — это вопросъ о происхожденіи всего бытія, всего существующаго. Правильно или не правильно, ясно или неясно этотъ вопросъ ставился всегда и всѣми народами. Объ этомъ свидѣлствуютъ намъ древнѣйшія саги и легенды. Такъ или иначе вопросъ былъ всегда рѣшаемъ и то или иное рѣшеніе его всегда оказывало сильное вліяніе на религіозную и практическую жизнь человѣчества.

Но вотъ намъ говорятъ, что со всѣми старыми рѣшеніями вопроса должно покончить, какъ съ несостоятельными, а новыхъ предлагать не должно, ибо рѣшенію вопроса невозможно для насъ: міръ или существуетъ вѣчно или происхожденіе его непостижимо. Это смѣлое утвержденіе и за-

прещеніе провозглашаютъ наиболѣе выдающіеся представи- гели самаго либеральнаго прогресса, они осмѣиваютъ вся- кую попытку обсудить этотъ вопросъ и осуждаютъ занятіе имъ, какъ праздную и слѣдовательно вредную игру ума. Мы ниже посчитаемся съ ихъ запрещеніемъ, а напередъ перечислимъ все то, на что они полагаютъ запрещеніе. За вопросомъ о происхожденіи вещи — (вопросомъ научнымъ) слѣдуетъ другой вопросъ о назначеніи вещи — (вопросъ прак- тическій). Ботаникъ опредѣляетъ свойства *solanaceae* или *malvaceae*, медикъ утилизируетъ ядовитыя свойства первыхъ для врачебныхъ цѣлей и техникъ пользуется продолгова- тымъ строеніемъ волоконъ во вторыхъ для выдѣлыванія тканей. Каждую вещь пытаются приспособить къ какой-либо цѣли, и за каждую цѣлью стоитъ или предполагается дру- гая цѣль. Назначеніе не каждой вещи для насъ интересно, но для всѣхъ интересны вопросы о назначеніи всѣхъ ве- щей — о цѣли всего бытія и назначеніи нашемъ собствен- номъ — цѣли нашего личнаго бытія. Нашему духу присуще принудительное стремленіе разрѣшить эти вопросы и раз- рѣшеніе ихъ или по крайней мѣрѣ втораго изъ нихъ имѣетъ для насъ громадную практическую важность — оно даетъ намъ нормы для нашей дѣятельности, указываетъ намъ путь, по которому намъ нужно идти, и представляетъ побужденія для того, чтобы идти по этому пути. Человѣкъ, не имѣющій рѣшенія этихъ вопросовъ, при прохожденіи жизненнаго по- прища представляется болѣе жалкимъ, чѣмъ путникъ сбив- шійся ночью съ дороги и бредущій на угадъ. У послѣдняго есть всетаки цѣль, а потому его блужданія сами по себѣ не лишены характера разумности, у перваго нѣтъ цѣли — онъ идетъ неизвѣстно куда и неизвѣстно зачѣмъ, а мы въ прежнее время привыкли думать, что безцѣльная дѣятельность не дол- жна быть удѣломъ разумныхъ существъ. Но вотъ, что гово- рятъ намъ въ настоящее время, бытіе вселенной не имѣетъ ни- какой цѣли, или по крайней мѣрѣ цѣль бытія непостижима для насъ. Что касается до насъ лично, то наше личное бытіе прекращается съ нашимъ послѣднимъ предсмертнымъ вздохомъ, наше „я“ превращается въ ничто, становится ну- лемъ, вопроса-же о назначеніи нуля нельзя ставить.

Утвержденія, что міръ вѣченъ и что существованіе его безцѣльно. вѣроятно, также стары, какъ міръ. Но предста-

вители современной научной мысли думаютъ, что эти положенія теперь доказаны, что несогласяющіеся съ ними сознательно пруть противъ рожна. Если прежде было извинительно думать, что міръ существуетъ 6 или 7 тысячъ лѣтъ и что мы рождены для чего то высшаго, то теперь думать такъ значитъ закрывать глаза передъ несомнѣнными фактами и неоспоримыми аргументами. Сущность этихъ, считающихся неоспоримыми, аргументовъ сводится къ слѣдующему. Съ несомнѣнностію выяснено, что количество вещества и движенія въ мірѣ остается неизмѣнимымъ, и что всѣ предметы и явленія міра суть различныя комбинаціи движущагося вещества. Въ мірѣ все течетъ, все измѣняется, все исчезаетъ, не исчезаетъ лишь то, что лежитъ въ основѣ явленій міра—матерія и движеніе. Различныя сочетанія матеріи могутъ находиться въ болѣе или менѣе устойчивомъ равновѣсіи, но тѣмъ не менѣе всѣ они нѣкогда образовались и всѣ нѣкогда будутъ снова разложены. Во вселенной собственно не происходитъ процесса ни агрегациі, ни дисагрегациі: разложеніямъ, происходящимъ въ одномъ мѣстѣ, эквивалентны соединенія, происходящія въ другомъ. Отсюда жизнь вселенной представляетъ вѣчный круговоротъ. Представляющееся возраженіе, что можетъ быть неизмѣнно сохраняющіяся вещество и энергія, не всегда сохранялись неизмѣнно, находятъ стоящимъ въ противорѣчій съ требованіями логики и закона причинности. Если его допустить, то тогда окажется, что нѣкогда произошло приращеніе или уменьшеніе вещества и энергіи, явился нѣкій dx —какъ бы малымъ онъ ни былъ—безпричинно, изъ ничего, но *ex nihilo nihil fit* и слѣдовательно это предположеніе должно быть отвергнуто. Установивъ, что жизнь вселенной представляетъ вѣчный круговоротъ, устанавливають, что слѣдовательно жизнь или бытіе вселенной не направляется ни къ какой цѣли.

Ни къ какой цѣли не направляется и жизнь человѣка. „Все, что составляетъ существо человѣка, переходяще“, сказалъ умиравшій Будда своимъ послѣдователямъ. Тоже самое должно сказать о всемъ человѣчествѣ: оно переходяще и будетъ время, когда его не будетъ. Задача человѣка по отношенію къ жизни состоитъ въ томъ, чтобы извлечь изъ жизни какъ можно болѣе пріятныхъ моментовъ, человѣчество

можетъ желать отъ отдѣльныхъ особей, чтобы онѣ способствовали и содѣйствовали умноженію такихъ моментовъ среди людей. Но въ чемъ полагать пріятное и непріятное? Наша плоть легко рѣшаетъ этотъ вопросъ, но намъ не довольно плотскихъ наслажденій. Мы желаемъ еще наслажденій духовныхъ. „Быть счастливымъ значить быть добродѣтельнымъ“, говорили одни, „счастье, доставляемое занятіями науками, по мнѣнію нѣкоторыхъ такъ велико, что выше его можетъ быть поставлено лишь блаженство въ царствѣ небесномъ (Климентъ Александрійскій). Если счастье даютъ добродѣтель и знаніе, то всѣмъ извѣстно еще, что счастье даетъ красота. Произведенія Гудона и Каловье, картины Рембрандта и Рафаэля, симфоніи Бетховена, опера Моцарта и трагедія Шекспира—доставляютъ намъ невыразимое наслажденіе. Такъ служеніе истинѣ, красотѣ и добру даетъ счастье человѣку.

Мыслители, утверждающіе, что не должно поднимать вопроса о происхожденіи и цѣли бытія, и запрещающіе рассуждать о конечной цѣли человѣческой дѣятельности, соглашаются, что должно заниматься науками и искусствомъ и усовершеншаться въ добрѣ и охотно признаютъ, что въ томъ и можетъ заключаться счастье человѣческое. Однако разсмотрѣніе ихъ положеній показываетъ, что они рекомендуютъ не то, что можетъ составлять счастье человечеству, что на самомъ дѣлѣ согласно ихъ принципамъ они налагаютъ запрещеніе на идеи истины, добра и красоты и что, противорѣча самимъ себѣ—они часто служатъ этимъ идеямъ. Отрицаніе ими идей истины, добра и красоты слѣдуетъ изъ представляемаго ими генезиса этихъ идей и опредѣленія отношеній нашихъ познавательныхъ способностей къ этимъ идеямъ и затѣмъ изъ ихъ опредѣленія, какимъ задачамъ должны служить наука и искусство.

Истинное, доброе и прекрасное, все выводится ими изъ полезнаго. Каждому животному организму присущи инстинкты самосохраненія и продолженія рода. То, что удовлетворяетъ эти инстинкты, и есть истинное, прекрасное и доброе. Организму, для того чтобы жить, нужно знать, что способствуетъ сохраненію его бытія и бытія его рода. и что препятствуетъ, знаніе такимъ образомъ является средствомъ, орудіемъ для сохраненія бытія, познаютъ для

того, чтобы жить, чтобы сохранить свою плоть, а не жить для того, чтобы обогащаться познаніями. Однако уже въ животномъ мірѣ эта постоянная нужда въ знаніяхъ и ихъ расширеніи порождаетъ инстинктъ любознательности, побуждаетъ животное пріобрѣтать познанія, неимѣющія для него прямой непосредственной пользы, это особенно можно наблюдать надъ обезьянами. Бросьте въ клѣтку мартышекъ играющій цвѣтами стеклянный шаръ, онѣ немедленно займутся его изслѣдованіемъ съ добросовѣстностью нѣмецкаго ученаго. Такъ знаніе, не переставая быть средствомъ, становится цѣлью, является манія для знанія, у людей является потребность познавать происхожденіе и свойства вещей безъ отношенія къ ихъ пользѣ, отсюда служеніе идеѣ истины, безкорыстное служеніе наукѣ: оно явилось уже давно. Лучшіе люди древняго міра не смотрѣли на знаніе какъ на средство, а видѣли въ наукѣ богиню, которой приносили свои труды, какъ безкорыстную жертву. Въ представленіи людей хорошихъ, но не лучшихъ, взглядъ на науку двойлся. Это прекрасно выражено въ извѣстномъ стихотвореніи Шиллера „Архимедъ и ученикъ“. Именуя науку богиней, ученикъ восхищается вмѣстѣ съ тѣмъ техническими изобрѣтеніями и усовершенствованіями, которыя родила наука и которыя столь полезны для человѣка. Учитель отвѣчаетъ, что если *wissbegieriger Schuler* видитъ въ наукѣ богиню, то не долженъ искать въ ней коровы. Кто думаетъ, что наука должна служить истинѣ, тотъ долженъ отодвинуть на задній планъ мысль о томъ, что она можетъ накормить его обѣдомъ. Но съ точки зрѣнія изслѣдуемой нами теоріи, правъ не мудрецъ и не его любознательный ученикъ, а тѣ, которые видятъ въ наукѣ слугу. Они правы вдвойнѣ. Служеніе науки вопросамъ техники и агрономіи соотвѣтствуетъ ея первоначальной природѣ, попытка обратить науку на отысканіе объективной истины всегда будетъ безрезультатной и потому вредной: Во 1) человѣческое мышленіе ограничено и изученіе его свойствъ и процессовъ показываетъ намъ, что оно неспособно разрѣшить тѣ проблемы, рѣшеніе которыхъ такъ дорого для человѣка, во 2) самодостовѣрность человѣческаго мышленія вещь весьма сомнительная, есть основанія утверждать, что наши понятія объ истинномъ и неистинномъ имѣютъ не объективное,

а субъективное значеніе, наши законы мышленія, нормы и принципы, все это не имѣетъ абсолютной устойчивости, и у нашихъ потомковъ можетъ быть будутъ иные принципы мышленія и иные способы умозаключеній. Что касается до перваго, то едва-ли оно требуетъ разъясненія: понятія безконечности и вѣчности, понятіе абсолютнаго, все это непостижимо для человѣка, обратимся къ разъясненію втораго.

Согласно эволюціонизму — противъ принципозъ котораго направляется данное разсужденіе — принципы нашего мышленія эмпирическаго происхожденія, они не вложены въ насъ самую природою вещей, но вырабатывались постепенно длиннымъ рядомъ біологическихъ предковъ человѣка, начиная съ манеры. Они представляютъ собою совокупность началъ, дѣлающихъ человѣка въ извѣстной степени приспособленнымъ къ той средѣ, въ которой онъ живетъ. Если степень приспособленности человѣка къ средѣ измѣнится, то, значить, измѣнятся и они, и если измѣнится среда, окружающая человѣка, то они опять должны измѣниться. Это доказывается тѣмъ, что мышленіе человѣческихъ племенъ, живущихъ въ разныхъ условіяхъ, и мышленіе племенъ, стоящихъ на различныхъ степеняхъ культуры, являются дѣйствующими различнымъ образомъ. Отмѣчаютъ даже, что логика жителей восточной и западной Европы нѣсколько не похожи одна на другую. Но наисильнѣйшее основаніе для того, чтобы сомнѣваться въ самодостовѣрности нашего мышленія, представляетъ анализъ процессовъ этого мышленія, открывающій намъ недостатки въ дѣятельности этого мышленія, показывающій, что, исходя изъ вѣрныхъ положеній и не допуская неправильности въ разсужденіяхъ, мышленіе приходитъ иногда къ невѣрнымъ выводамъ. Примѣры, приводимые изъ области 2-хъ наукъ, претендующихъ на наибольшую точность — именно — логики и математики, новидимому подтверждаютъ этотъ печальный фактъ.

Всякій слыхалъ о математическихъ софизмахъ, многіе изъ нихъ дѣйствительно софизмы, ибо въ среднѣхъ разсужденіяхъ стоитъ у нихъ какое-либо ложное положеніе только болѣе или менѣе искусно залушеванное, но въ математикѣ есть вещи и иного рода: есть формулы, которыя повидимому должны имѣть всеобщее значеніе и которыя однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ даютъ отвѣтъ невѣрный и нелѣпый (ра-

зумѣемъ, на примѣръ, полную формулу квадратнаго уравненія $x = \frac{-6 \pm \sqrt{6^2 + 4ac}}{2a}$, если положить $a = 0$ и $b = -2$, x будетъ $= 2$, но по данной формулѣ x будетъ $= -\infty$. Въ математикѣ встрѣчаются и противоположныя явленія. Изъ завѣдомо ложныхъ положеній тамъ получаются вѣрные выводы. При опредѣленіи касательныхъ въ аналитической геометріи постоянно приходится дѣлить 0 на 0 и путемъ нѣкоторыхъ приѣмовъ получать опредѣленные и нужные результаты. Въ математикѣ мы встрѣчаемъ еще такія явленія: производя одинаковыя дѣйствія надъ различными величинами, мы получаемъ одинаковые результаты, такъ возьмемъ на примѣръ такую задачу: нѣкоторое число умноженное само на себя и сложенное съ 10 равняется этому же самому числу, умноженному на 7. Такому условію удовлетворяетъ 2 ($2 \times 2 + 10 = 2 \times 7$), по этому же условію удовлетворяетъ и 5 ($5 \times 5 + 10 = 5 \times 7$), такимъ образомъ оказывается, что иногда, производя надъ 5 дѣйствія тождественныя съ производимыми надъ 2-мя, мы получаемъ тождественные результаты. Отсюда слѣдуетъ, что даже когда мы имѣемъ достаточное число данныхъ для опредѣленія чего-либо (приведенная задача вѣдь опредѣленная), мы можемъ составить совершенно невѣрное понятіе объ опредѣляемомъ. Далѣе мы встрѣчаемся въ математикѣ вотъ съ какимъ замѣчательнымъ явленіемъ: съ одной стороны, математическія изслѣдованія приводятъ насъ иногда къ такому результату, что въ выводѣ получаются числа, которымъ ничто не соотвѣтствуетъ въ природѣ (разумѣемъ мнимыя выраженія), съ другой, въ природѣ оказывается, существуетъ множество величинъ, размѣры которыхъ не могутъ быть точно опредѣлены цифрами, (на примѣръ, если мы начертимъ квадратъ, сторона котораго $= 1$, то діагональ квадрата будетъ величиною несоизмѣримой, число для выраженія величины ея не существуетъ въ природѣ, мы можемъ доказать, что она больше того и меньше того-то, но точно указать во сколько разъ или насколько больше, не можемъ). Если мы имѣемъ предметъ, длина котораго болѣе 4-хъ и менѣе 5-ти, то естественно представляется намъ, что это длина точно соотвѣтствуетъ четверемъ съ какою-нибудь дробью, но часто оказывается, что такой

дробѣ совсѣмъ не имѣть въ своемъ распоряженіи наша ариѳметика и это заставляетъ насъ сомнѣваться въ непогрѣшимости самой теоріи чиселъ, между тѣмъ какъ для человѣческаго мышленія не представляется возможнымъ замѣнить ее иною: математика, какъ и логика, существуетъ лишь одна. Мы могли бы умножить число примѣровъ изъ математики, повидимому набрасывающихъ нѣкоторую тѣнь на правоспособность нашего мышленія, но ограничиваемся приведеннымъ, ибо эту отрасль знанія интересуются очень немногіе, хотя всѣ и говорятъ о ея непогрѣшимости и важности, не интересуются повидимому даже тѣ представители современнаго знанія, почти отождествляющіе себя съ наукою, противъ которыхъ мы направляемъ наше разсужденіе, ибо еслибы они интересовались ею, то безъ сомнѣнія они воспользовались бы ею, а изъ нея они могли бы извлечь въ защиту своей теоріи гораздо болѣе основаній, имѣющихъ видъ вѣшняго правдоподобія, чѣмъ тѣ, какія они обыкновенно приводятъ.

Отъ математики перейдемъ къ логикѣ. Анализъ и здѣсь показываетъ намъ, что требованія логики и все болѣе и болѣе познаваемая нами дѣйствительность находятся въ несогласіи между собою. Такъ логика, на примѣръ, широко пользуется понятіемъ индивидуальнаго, въ дѣйствительности оказывается нѣтъ ничего соответствующаго этому понятію. На самомъ дѣлѣ, что такое индивидуумъ? Это то, чего нельзя дѣлѣть безъ того, чтобы онъ не пересталъ, быть тѣмъ, что есть. Въ неорганической природѣ понятно нѣтъ индивидуумовъ, ибо химическія свойства тѣла не измѣняются отъ самыхъ мельчайшихъ его дробленій, но оказывается, что индивидуумовъ нѣтъ и въ царствахъ органическихъ. „Растеніе, говорилъ Дроперъ еще 30 лѣтъ назадъ, есть не индивидуумъ, а явленіе“. Это извѣстно: отъ растенія можно отдѣлять значительныя части и оно не перестаетъ существовать, мало этого, самостоятельно посаженная отдѣленная вѣтвь отъ растенія, легко становится цѣлымъ растеніемъ.

Что сказано о растеніяхъ, то должно сказать и о низшихъ животныхъ организмахъ. Гидра, разрѣзанная на нѣсколько частей даетъ нѣсколько гидръ, тоже происходитъ съ землянымъ червемъ. Многіе низшіе организмы размно-

жаются, раздѣляясь—одинъ-на нѣсколько. Это свойственно въ значительной мѣрѣ представителямъ двухъ животныхъ типовъ protozoa и metazoa, каковы polycyttaria, vorticellidae, и т. д. Такъ какъ при такомъ дѣленіи психическое начало животнаго распадается на нѣсколько обособленныхъ психическихъ единиць, то слѣдовательно и душа—по крайней мѣрѣ животная душа—дѣлима въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Тоже самое приходится будто-бы сказать и о человѣческой душѣ или о человѣческомъ „я“. Оно не есть тождественная себѣ, неизмѣнная единица, она есть сумма или—вѣрнѣе, равнодѣйствующая многихъ психическихъ единиць. Единство самосознанія, которое человѣкъ желаетъ открывать въ своей душѣ, есть заблужденіе. Причина того, что это единство предносится уму человѣческому, какъ фактъ, заключается въ томъ, что психическія единицы въ человѣческомъ духѣ поставлены въ тѣснѣйшую связь и координированы строжайшимъ образомъ. Чѣмъ ниже стоитъ организмъ на ступеняхъ біологической лѣстницы, тѣмъ эта связь слабѣе, но какъ ни тѣсна эта связь между психическими единицами души человѣка, она иногда нарушается и разрывается. Факты измѣненія личности, раздвоенія сознанія суть слѣдствія этого нарушенія и разрыва. Эти то факты въ связи съ фактами гипнотизма, чтенія мыслей и др., удобно объясняемыхъ, по мнѣнію мыслителей, воззрѣнія которыхъ мы излагаемъ, теорією сложности души, и позволили констатировать эту сложность. И человѣкъ и манера равно суть агрегаты, а не индивидуумы и нигдѣ человѣкъ въ предѣлахъ видимаго міра не находитъ ничего индивидуальнаго, онъ представляетъ себѣ тогда, что видимые агрегаты образовались изъ невидимыхъ индивидуумовъ (атомовъ), и хотя растворы и славы въ химіи набрасываютъ болѣе, чѣмъ тѣнь сомнѣнія, на это предположеніе, однако практическая необходимость не позволяетъ человѣку его отвергнуть. Такъ въ природѣ не оказывается индивидуумовъ, между тѣмъ въ логикѣ понятіе индивидуальнаго играетъ важную роль: мы не можемъ изучить предметъ, не обособивъ его, не представивъ его себѣ индивидуумомъ, т. е. мы не можемъ изучить предметъ безъ помощи фикцій, но ненадежно познаніе, которое неизбѣжно опирается на завѣдомо ложныя предположенія.

Логика, доставляя намъ понятіе индивидуальнаго, неизбежно требуетъ отъ насъ систематичности. Система—слово часто встрѣчается въ курсахъ логики, а между тѣмъ въ природѣ нѣтъ системы и всякая наша попытка представить ученіе о природѣ въ системѣ ставитъ насъ въ противорѣчіе съ природою. Нѣкоторымъ это можетъ показаться парадоксомъ. „Естественная система, говоритъ Агассицъ, основанная на родствѣ организаціи содержитъ въ себѣ переложеніе мысли Создателя на человѣческій языкъ, и производя систематическія изысканія, мы безсознательно излагаемъ мысли Творца“. Но еще раньше Агассица Гете сказалъ, что въ понятіи „естественная система“ заключается внутреннее противорѣчіе (объ Агассицѣ и Гете см. у Клауса Учебн. Зоол. Т. 1), и въ настоящее время въ естественно историческихъ учебникахъ очень часто приходится встрѣчать замѣчаніе подобнаго таковому: „самая лучшая естественная система будетъ или не строго систематична или не вполнѣ естественна, потому что всякая система заключаетъ природу въ чуждыя ей рамки“ (учебникъ ботаники перев. подъ редак. Тимирязева Отдѣлъ частной метеорологіи и систематики стр. 195. 1884). Для практическихъ цѣлей необходимо растенія и животныя дѣлить на типы, порядки, классы, роды и виды, но въ природѣ нѣтъ ни родовъ, ни видовъ есть лишь животныя и растенія болѣе и менѣе близкія и сходныя между собой. Дѣленіе животныхъ на роды и виды также мало отражаетъ въ себѣ природу, какъ дѣленіе на періоды мало соответствуетъ дѣйствительной исторіи. При изученіи исторіи намъ необходимо раздѣлять ее на періоды и на эпохи, мало этого, мы необходимо раздѣляемъ и рассматриваемъ отдѣльно различныя стороны жизни. Исторію экономическую и юридическую, исторію умственнаго просвѣщенія и исторію религіозную, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ все это нераздѣлимо въ дѣйствительности, требованіе нашего ума стоитъ въ противорѣчій съ дѣйствительностію. Очевидно, зготъ умъ невысокопробный. Все вышесказанное позволяетъ уподобить нашъ умъ музыкальному инструменту, который не беретъ ни слишкомъ высокихъ, ни слишкомъ низкихъ нотъ и фальшивитъ во многихъ и изъ тѣхъ нотъ, которыя беретъ. Эготъ умъ есть продуктъ окружающей его природы, окружавшихъ его условій. Съ измѣненіемъ окружающей его

природы—а она измѣняется постоянно—будетъ измѣняться и умъ—будутъ измѣняться его стремленія, преобразуются законы и принципы мышленія. Неизвѣстно, что произойдетъ съ понятіями: истина, причина. Очевидно, что инстинктивное стремленіе такого ума къ служенію идеѣ истины—стремленіе происшедшее вслѣдствіе смѣшенія средства съ цѣлью—не можетъ быть ни поддерживаемо, ни поощряемо, его должно заглушать: должно изучать природу, но лишь съ цѣлью эксплоатаціи, а не затѣмъ, чтобы постигнуть истину, которая непостижима, должно изучать исторію человѣческаго общества, но лишь съ цѣлью извлечь изъ этого изученія полезныя правила для улучшенія формъ общежитія, а вовсе не за тѣмъ, чтобы въ исторіи человѣчества отыскивать какіе-то таинственные пути, направляющіе людей къ высшей цѣли. Изучать науку нужно для того, чтобы строить желѣзныя дороги, улучшать земледѣліе, усовершенствовать государственное устройство, уничтожать заразительныя болѣзни. Но тотъ, кто занимается наукою ради науки, кто видитъ въ стремленіи къ знанію высшее проявленіе человѣческаго духа, кого занимаетъ вѣчная истина, а не наличная дѣйствительность, созданная вчерашними историческими и геологическими факторами, тотъ стоитъ на ложномъ пути: его дѣятельность имѣетъ праздный и слѣдовательно вредный характеръ, а потому, говорить намъ, было-бы гораздо благоразумнѣе на подобную дѣятельность налагать запрещеніе.

Какъ служеніе истинѣ съ точки зрѣнія излагаемой нами теоріи имѣетъ источникомъ своимъ вредную иллюзію, такъ подобную-же иллюзію имѣетъ своимъ источникомъ и служеніе добру. Человѣкъ, стремящійся искренно стать совершеннѣе въ нравственномъ отношеніи, смотритъ на нравственный законъ, какъ на нѣчто неизмѣнное и данное свыше. Но на самомъ дѣлѣ нравственный законъ есть нѣчто условное и измѣняющееся, онъ является въ человѣкѣ результатомъ наслѣдственного опыта, и по мѣрѣ того какъ будетъ измѣняться этотъ опытъ, будутъ измѣняться нравственныя понятія человѣчества. Идеи добра и зла обязаны своимъ существованіемъ тому, что существуютъ полезныя и вредныя вещи. Происхожденіе дѣйствующаго въ современномъ человѣчествѣ и формулированнаго христіанствомъ нравственнаго закона, обязывающаго человѣка стремиться любить

ближняго, какъ самого себя, можетъ быть объяснено такимъ образомъ. У низшихъ организмовъ нѣтъ нравственныхъ понятій, имъ не присуще сознание, что они должны заботиться о комъ либо, кромѣ самихъ себя. Это сознание является у материнскихъ организмовъ тогда, когда материнскій организмъ живетъ вмѣстѣ уже съ живымъ дѣтенышемъ при такихъ условіяхъ, что всякій вредъ, наносимый послѣднему, отзывается на первомъ, отсюда естественны заботы матери о своемъ потомкѣ, отсюда естественно, что у матери развивается чувство любви къ своему дѣтенышу. Это чувство любви эволюціонировало у различныхъ животныхъ организмовъ различнымъ образомъ и отлилось въ различныя формы. Самки плетоядныхъ обнаруживаютъ любовь готовую на всѣ жертвы къ только что рожденнымъ дѣтенышамъ, затѣмъ эта любовь постепенно ослабѣваетъ и наконецъ, когда дѣтеныши становятся способными къ самостоятельной жизни, эта любовь совершенно охладѣваетъ или иногда даже переходитъ во вражду. Рыбы не знаютъ материнской любви. У обезьянъ мы встрѣчаемъ любовь къ дѣтенышамъ уже не однихъ самокъ, но и самцовъ. Это въ области семейной любви. Расширеніе предѣловъ этой любви могло породить и любовь къ ближнему, но тамъ, должно полагать, послѣдняя имѣетъ своимъ источникомъ нужду во взаимопомощи. Многіе организмы живутъ соціальною жизнью и только у таковыхъ и можно найти нѣчто подобное чувству любви къ ближнему. Что касается до организмовъ низшихъ, живущихъ соціальною жизнью, то тамъ чувство подобное любви къ ближнему имѣетъ для себя физическую причину. Многія колоніи связаны внѣшнею связью такъ, что ударъ по одной особи отзывается на другой. Что дѣйствительно колоніи, въ которыхъ отдѣльныя особи связаны такъ тѣсно, существуютъ, для этого достаточно указать на отрядъ ленточныхъ червей. Прежде каждаго червя разсматривали, какъ отдѣльный индивидуумъ, теперь выяснено, что каждый изъ нихъ колонія индивидуумовъ—проглотида (proglottis): солитеръ (*faenia solium*) представляетъ собою не единицу, а сумму значительнаго числа единицъ. Формы соціальной жизни у различныхъ животныхъ весьма различны и даже у различныхъ видовъ однихъ и тѣхъ же родовъ животныхъ они принимаютъ различный характеръ, въ раз-

личной степени проявляются у животных и альтруистическіе инстинкты. Въ весьма различной степени присущи они различнымъ человѣческимъ племенамъ и однимъ и тѣмъ же племенамъ въ различныя времена...

Человѣческая совѣсть есть продуктъ эволюціи, и такъ какъ факторы эволюціи не были тождественны на всемъ земномъ шарѣ, то поэтому совѣсть у различныхъ племенъ оказывается очень различной. Г. Спенсеръ, въ статьѣ, подвергающей безпощадной критикѣ ученіе о морали Канта, попытался доказать это положеніе множествомъ примѣровъ. „Лоббокъ, говоритъ онъ, пишетъ: „я полагаю, что низшія расы можно считать лишенными всякихъ идей о правѣ... , что есть также расы, не обладающія нравственнымъ чувствомъ, это противорѣчило формально тѣмъ предвзятымъ идеямъ, которыя я внесъ въ начало моихъ изслѣдованій въ жизнь дикарей, и я отсталъ отъ этой мысли лишь постепенно и не безъ борьбы“. (Происхожд. цивилиз. 269). Вотъ факты, приводимые Спенсеромъ въ подтвержденіе этого взгляда. „Говоря о своемъ умершемъ сынѣ, Тун Тхахау, глава фиджійцевъ, хвалилъ его, опредѣляя его умъ смѣлымъ, а его жестокость совершенной, такъ какъ она позволяла ему убивать своихъ собственныхъ женъ, когда тѣ его раздражали, и съѣдать ихъ (S. F. Erskine, Восточный океанъ, стр. 248)“. Пролить кровь для фиджійца не только не преступленіе, но слава... Быть какимъ-либо образомъ признаннымъ убійцей, есть предметъ безграничной гордости для островитянъ Фиджи „(T. Williams, Фиджи и Фиджійцы, стр. 212)“. Томсонъ говоритъ о молодыхъ зулусахъ: печально, что даже въ довольно нѣжномъ возрастѣ они могутъ подъ вліяніемъ минуты и по закону убить своихъ матерей, если тѣ пытаются ихъ наказывать „(T. Thompson, Путешествія и приключенія въ южной Африкѣ. 11, стр. 418)“. Убійство, развратъ, воровство и всѣ другіе сорта преступленій не считаются грѣхомъ на Золотомъ Берегу. „(Босманъ, описаніе береговъ Гвиней)“. Восточнымъ африканцамъ неизвѣстна карающая совѣсть. Единственно, чего они боятся, это преслѣдованія тѣни убийцаго, раздраженнаго ихъ преступленіемъ. „(R. T. Barton, озерныя области Центральной Африки 11, 536)“. Многочисленно не удавалось заставить восточныхъ африканцевъ понять суще-

ствование добраго начала „(Вахер, The Nile Tributarios of Abyssinia. 1,240 — 241)“. Дамары убиваютъ бесполезныхъ ѣдаковъ и людей ослабѣвшихъ отъ возраста, бываютъ случаи удушения больныхъ родителей сыновьями“ (Гальтонъ, Narrative of an Explorer in Tropical South Africa 112). „Дамары, кажется, не имѣютъ никакого яснаго понятія о добромъ и зломъ“ (тамъ же. 72). Послѣ этихъ выписокъ Спенсеръ приводитъ другой рядъ фактовъ совершенно противоположнаго характера. „Существуютъ горные индусы, простые инородцы, напр., лепхи, которые удивительно забываютъ обиды, а Камбель замѣтилъ въ томъ фактѣ примѣръ воздѣйствія очень живого чувства долга (обязанности) у этихъ дикарей. Тотъ характеръ, который, какъ думаютъ, долженъ бы былъ образоваться подъ влiянiемъ христіанства, мы находимъ развитымъ въ высшей степени у папуасовъ, живущихъ въ мирѣ и питающихъ другъ къ другу братскую любовь до такой степени, что правительство тамъ является совершенно номинальнымъ“. Относительно-же различныхъ племенъ горныхъ индусовъ, какъ санталы, суры, маріасы, лепхи, бодо и дималы различные наблюдатели удостоверяютъ, что многіе изъ нихъ представляютъ самое прекрасное собраніе такихъ честныхъ людей, которыхъ я ранѣе никогда не встрѣчалъ „(Hunter)“, преступленія и уголовные чиновники совершенно неизвѣстны“ (Hunter), „очаровательная черта ихъ характера, это — ихъ совершенная преданность“ (Shrozz), они обладаютъ замѣчательною склонностію къ преданности и честности, они удивительно честны (Campbell), честны и преданны и на словахъ и на дѣлѣ (Nadhsen). Не принимая болѣе во вниманіе расы, мы находимъ эти черты у людей, которые оставались и остаются въ теченіе долгаго времени абсолютно пассивными (т. е. ихъ прошлое неизмѣнно), таковы Джакунсы, о которыхъ извѣстно, что они „никогда не украдутъ никакой вещи даже самой малозначительной (Fabre), или также газы съ Гималая, у которыхъ простое оскорбительное помысленіе о честности или правдолюбii какой-либо личности можетъ быть достаточнымъ, чтобы довести эту личность до самоубійства (Dalton). Такимъ образомъ съ точки зрѣнія совѣсти эти нецивилизованные варвары настолько же выше европейцевъ, насколько европейцы выше грубыхъ

дикарей, о которых мы говорили раньше“. (Мы прилагаемъ соображенія Спенсера по переводу его статьи (Этика Канта) въ Русскомъ Богатствѣ (1888. Июль).

Какъ нравственныя понятія и требованія оказываются различными у различныхъ племенъ въ одно и тоже время, такъ они оказываются различными и у однихъ и тѣхъ же племенъ въ различныя времена. До Р. Х. понятіе ближняго человѣка, котораго нравственный законъ обязывалъ любить, ограничивали по большей части единомышленникомъ, христіанство постепенно насадило мысль, что все люди—наши братья и ближніе. Но и это нравственное ученіе, говорятъ, плохо усвоено современнымъ міромъ, затѣмъ его находятъ несовершеннымъ върнымъ и справедливымъ по отношенію къ человечеству и, наконецъ, оно говорятъ, въ сущности является столь же эгоистическимъ, какъ и ученіе, которое кругъ ближнихъ ограничивало единомышленниками. Обсужденіе вопроса, на сколько люди усвоили нравственное христіанское ученіе, не входитъ въ настоящее разсужденіе, но что касается до положеній о недостаточномъ совершенствѣ нравственнаго христіанскаго закона, то они должны быть разъяснены. Замѣчаютъ, что часто добро имѣетъ мѣстное и временное значеніе и что совершеніе добрыхъ дѣлъ можетъ часто влечь за собою вредные результаты. Положимъ какому-либо человѣку что либо даютъ, наприм. деньги, этимъ самымъ вѣдь даютъ человѣку власть надъ чѣмъ-либо, право на чей-либо трудъ, такимъ образомъ, давая одному, отнимаютъ у другаго. Далѣе христіанская мораль предписываетъ заботиться о сохраненіи людей слабыхъ духомъ и тѣломъ, обязываетъ поддерживать ихъ существованіе и запрещаетъ убивать ихъ, ибо жизнь человѣка въ рукахъ Божіихъ, но чрезъ сохраненіе въ обществѣ дурныхъ особей—говорить намъ наука—происходитъ ухудшеніе рода. Если практическая дѣятельность человѣка, какъ говоритъ одинъ англійскій эволюціонистъ, должна состоять въ томъ, чтобы соперничать съ неизвѣстнымъ Творцомъ въ повышеніи его созданій, то такая нѣль можетъ быть достигаема лишь тогда, когда къ человечеству лучшіе люди будутъ примѣнять принципъ искусственнаго отбора отметающаго всехъ слабыхъ и предоставляющаго право жить лишь тѣмъ, кто сами могутъ приобрѣсть это право силой—сильнымъ. Понятіе

ближній въ нравственпомъ христіанскомъ кодексѣ не раскрыто съ достаточною опредѣленностью. Если ближній есть всякій человѣкъ, то тогда и человѣкъ грѣха и сынъ погибели, всѣ наши ближніе, если всѣхъ должно любить одинаково, то тогда значить невозможно жертвовать сотней посредственностей, чтобы спасти одного генія. За всѣмъ тѣмъ принципъ, провозглашающій братство всѣхъ людей, есть принципъ очень выгодный, но однако онъ есть принципъ утилитарный, а не нравственный. Когда не было идеи человечества и каждое племя разсматривало себя какъ особую единицу, противопоставляя себя всѣмъ другимъ народамъ: еллинъ—варвару, іудей—язычнику, тогда силы отдѣльныхъ этническихъ единицъ часто дѣйствовали во вредъ одна другой и потому силы человечества были слабы; когда вмѣсто того, чтобы противоборствовать одни другимъ, люди стали постепенно приходить къ мысли, что лучше помогать другъ другу, тогда человечество стало могущественнѣе: соединеніе силъ и раздѣленіе труда сообщили быстрѣйшее движеніе прогрессу и сдѣлали гораздо успѣшнѣе борьбу человѣка съ природой. Всматриваясь въ эту борьбу, мы и видимъ и выгоды принципа братства людей, и его не нравственный характеръ. Природа предоставила всѣ свои богатства равно въ распоряженіе всѣхъ тварей, за право обладанія этими богатствами ведется борьба между тварями и вотъ люди, сплотившись тѣсно между собой, успѣшно уничтожаютъ или подчиняютъ себѣ, равно какъ и они, желающихъ жить и наслаждаться жизнью животныхъ. Волки, медвѣди, тигры и львы, въ непродолжительномъ будущемъ, но всей вѣроятности, исчезнуть съ лица земли: ихъ истребятъ человѣколюбивые люди. Ну, а если бы они истребили людей? Очевидно ихъ должно было бы признать правыми. Жить можно, лишь уничтожая жизнь другихъ. Но уничтожать другихъ можно гораздо успѣшнѣе въ союзѣ съ кѣмъ либо, чѣмъ одному. Такъ принципъ борьбы за жизнь дополняется принципомъ взаимопомощи—принципомъ однако довольно эластичнымъ, суживающемся, расширяющемся и измѣняющемся, смотря по времени и обстоятельствамъ. Потребность взаимопомощи въ прошедшемъ породила въ современномъ человѣкѣ чувство любви къ своему ближнему, къ подобному себѣ человѣку или вѣрнѣе породило еще пока

только сознание, что нужно любить подобныхъ себѣ. Но изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что въ этомъ присутствіи чловѣку сознанию нельзя видѣть ни голоса Божія, ни даже неизмѣннаго голоса природы. Люби подобныхъ себѣ; въ какомъ отношеніи подобныхъ? Лукавый чловѣкъ менѣе подобенъ вѣрному чловѣку, чѣмъ вѣрная собака. Кого же должно любить болѣе: злого чловѣка или добрую собаку? Добро не есть цѣль, а средство, способствующее сохраненію рода, индивидуумы котораго стремятся дѣлать добро другъ другу. Дѣйствительность показываетъ намъ, что это средство для того, чтобы быть наиболѣе совершеннымъ, должно быть нѣсколько видоизмѣнено: во 1) добро должно быть оказываемо не всѣмъ подобнымъ индивидуумамъ, а лишь тѣмъ изъ подобныхъ, которые способствуютъ улучшенію рода или по крайней мѣрѣ не ухудшаютъ его, во 2) добро должно оказывать и не подобнымъ индивидуумамъ, если они служатъ интересамъ нашего рода (собака, лошадь). Вообще цѣль добра—удовлетвореніе самаго живѣйшаго изъ нашихъ инстинктовъ—инстинкта сохраненія бытія и продолженія рода. Кто ставитъ добро не средствомъ, а цѣлью, кто воображаетъ, что оно есть нѣчто объективное и неизмѣнное, тотъ стоитъ на ложномъ пути, ученіе таковаго вноситъ путаницу въ умы людей и можетъ быть вреднымъ для чловѣчества. Посему идея блага, говорятъ намъ, должна быть отвергнута и на служеніе ей должно положить запрещеніе.

Остается красота. Она бесспорна повидимому. Дарвинъ посвятилъ громадный трактатъ доказательству, что чувство красоты развито у животныхъ, оно есть у дикарей, извѣстное и прекрасное стоитъ на первомъ планѣ у людей цивилизаціи. Г. Влад. Соловьевъ въ интересной статьѣ „Красота въ природѣ“ восхваляетъ Дарвина за его сочиненіе „The descent of man“, въ которомъ будто бы Дарвинъ указываетъ на объективность красоты. Г. Соловьевъ говоритъ, что одно это сочиненіе должно было бы обезсмертить великаго Дарвина, если-бы даже у него не было другаго „О происхожденіи видовъ“. Но Г. Соловьевъ слишкомъ поспѣшилъ съ выраженіемъ своего почтенія предъ гениемъ Дарвина: въ книгѣ Дарвина не содержится того, что утверждаетъ Г. Соловьевъ. Дарвинъ признаетъ фактъ существо-

ванія полового подбора, который состоитъ вообще въ томъ, что въ животномъ мѣрѣ тамъ, гдѣ самки имѣютъ возможность выбирать себѣ самцовъ сами, онѣ выбираютъ наиболѣе красивыхъ и, что въ этихъ случаяхъ у самцовъ можно замѣтить стремленіе придавать себѣ наиболѣе привлекательный видъ. Все это повидимому указываетъ на приращенность чувства прекраснаго у животныхъ, но на самомъ дѣлѣ Дарвинъ не отрицаетъ, что понятіе о прекрасномъ вышло изъ понятія о полезномъ. Когда либо самкамъ могли нравиться самцы обладающіе тѣми или иными особенностями (сильнымъ голосомъ, яркимъ опереніемъ—у птицъ), потому что самцы, владѣющіе этими особенностями, доставляли имъ наибольшее чувственное наслажденіе (что происходило потому, что съ этими особенностями ассоціировались наибольшія энергія и сила). А впоследствии признакъ пріятнаго качества самъ сталъ казаться пріятнымъ. Красота вообще условна. Китаецъ понимаетъ ее иначе, чѣмъ европеецъ. Все это весьма легко объясняется намъ, если мы установимъ такой взглядъ, что красивыми люди считаютъ формы и признаки, свидѣтельствующіе о совершенствѣ устройства и о добрыхъ качествахъ. Китаецъ считаетъ признакомъ красоты большой животъ, потому что ему кажется, что большой животъ свидѣтельствуетъ о хорошемъ здоровьи. Руководясь такимъ поверхностнымъ наблюденіемъ, онъ и составляетъ свое понятіе о красотѣ. По мѣрѣ развитія, человѣкъ лучше улавливаетъ связь между формою и содержаніемъ и понятія о красотѣ становятся болѣе совершенными. Формы Венеры Милосской представляются намъ идеальными, потому что онѣ, какъ заставляють заключать ея лицо, отражаютъ въ себѣ высокое духовное содержаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ все ея тѣло является наиболѣе приспособленнымъ къ выполненію свойственныхъ человѣку физиологическихкихъ функций. Мы называемъ тотъ механизмъ наиболѣе совершеннымъ, который достигаетъ наибольшихъ результатовъ съ наименьшей затратой энергіи. Граціозными называются дѣйствія, которые, будучи сами по себѣ трудными, совершаются повидимому съ крайнею легкостью. Когда формы органовъ тѣла обнаруживаютъ въ себѣ способность совершать граціозныя дѣйствія, мы называемъ ихъ граціозными, красивыми. Вотъ почему и формы Венеры Милосской пред-

ставляются намъ красивыми. Мы можемъ не сознавать этой связи формы съ содержаніемъ, но въ далекомъ прошедшемъ ее безсознательно ассоціировали наши предки, ассоціировали во многихъ случаяхъ невѣрно, но все равно эти ихъ, какъ вѣрныя, такъ и невѣрныя ассоціаціи и породили наши понятія красоты. Даже въ геометріи нѣкоторые находятъ одні фигуры болѣе красивыми, другія менѣе, такъ изъ многоугольниковъ, имѣющихъ одинаковое число сторонъ, болѣе красивымъ всегда представляется многоугольникъ правильный. Правильные многоугольники, какъ показываетъ намъ анализъ, при равныхъ периметрахъ съ одноименными многоугольниками, имѣютъ наибольшую площадь. Такъ, если мы, желая выдѣлить себѣ поверхность известной величины, хотимъ потратить наименьшее количество силы на проведеніе пограничной линіи, мы должны ограничить его окружностью; если намъ дано условіе, что эта поверхность должна быть многоугольникомъ, мы должны придать ей форму правильного многоугольника. Здѣсь проходитъ принципъ наименьшей затраты силы съ наибольшею пользою. Въ природѣ собственно нѣтъ ни прекрасныхъ, ни безобразныхъ формъ, въ природѣ есть лишь формы, болѣе или менѣе отвѣчающія содержанію, болѣе или менѣе способствующія организму совершать то, что ему нужно, и если искать для красоты какое-либо объективное основаніе, то это опять будетъ та-же полезность.

Если такимъ образомъ въ основаніи самыхъ разнообразныхъ и сложныхъ душевныхъ стремленій лежитъ требованіе полезнаго, то повидимому, по крайней мѣрѣ, полезное должно представлять собою нѣчто безусловное и безспорное. Полезное есть то, что способствуетъ самосохраненію особи и сохраненію рода. Это опредѣленіе полезнаго показываетъ намъ, что оно никакъ не безусловно. Полезное одному роду организмовъ всегда вредно для какого-либо другаго: для человѣка полезно питаться говядиною, но для быковъ вовсе не полезно служить пищею человѣка. Будучи условнымъ, полезное въ сущности бесполезно. Мы оцѣниваемъ полезность жизни по мѣрѣ того, насколько жизнь служитъ какой-либо цѣли, но оказывается, что все цѣли направляются лишь къ одной—сохраненію жизни. Дѣлать добро ради добра, служить искусству для искусства, все это,—говорятъ намъ,

устарѣлыя и ошибочныя понятія. Вся дѣятельность рода человѣческаго направляется къ одной узко-эгоистической цѣли — сохранять свое бытіе, а такъ какъ можно почти съ несомнѣнностію утверждать, что человѣчество не будетъ жить вѣчно, то значить вся задача человѣчества сводится къ тому, чтобы прожить по крайней мѣрѣ возможно долѣе. Поэтому въ человѣческой дѣятельности должно быть одобряемо лишь то, что служитъ этой цѣли, безкорыстное служеніе идеямъ истины, красоты и добра, стремленіе дѣлать вопросы о началѣ и цѣли существующаго, не подходятъ подъ эту цѣль, поэтому занятію ими не должно быть одобряемо, для блага рода человѣческаго на такія занятія слѣдовало бы наложить запрещеніе.

Можетъ показаться, что содержаніе излагаемаго нами ученія само по себѣ не отрицаетъ нужды въ занятіяхъ искусствомъ для искусства и т. д., и затѣмъ могутъ усумниться, чтобы современные ученые были такъ не либеральны, чтобы обнаружили готовность воздвигнуть гоненіе на несчастныя идеи. Могутъ сказать, что занятія науками, искусствомъ, сами по себѣ для многихъ пріятны, а потому и излагаемое ученіе можетъ смотрѣть на нихъ одобрительно, такъ какъ оно самую цѣль жизни человѣчества поставляетъ въ полученіи возможно большаго количества пріятныхъ ощущеній. Такъ могутъ разсуждать нѣкоторые, но дѣло вотъ въ чемъ. Съ точки зрѣнія излагаемой теоріи, пріятными эти занятія въ настоящее время считаются потому, что нѣкогда были полезными, а полезными были потому, что способствовали сохраненію жизни рода. Уклоненіе ихъ отъ служенія этой цѣли, какъ бы незначительно оно ни было, есть ненормальное : будучи пріятнымъ для особи (подобно опьяненію отъ вина и гашиша), оно вредно для рода, и потому родъ въ своихъ интересахъ долженъ запрещать особямъ предаваться такимъ занятіямъ. Уклоняться отъ того, чтобы запрещать, могутъ быть только 2 основанія: 1) или сомнѣніе въ истинѣ своего ученія и въ лжи запрещаемаго. Это сомнѣніе въ различной степени присуще очень многимъ и оно всегда побуждаетъ къ толерантности. Наиболѣе сомнѣвающейся, наименѣе перенимъ къ различнымъ мнѣніямъ. 2) Или сознаніе, что такое запрещеніе можетъ вызвать противодѣйствіе—реакцію и вмѣсто того, чтобы послужить на

пользу, принесеть вредъ. Въ послѣднемъ случаѣ уклоненіе отъ запрещенія не есть актъ толерантности и гуманности, а дѣло благоразумія. По разъ извѣстный мыслитель неколебимо убѣжденъ, что изложенная теорія—истинна, что мѣры запрещенія могутъ быть прилагаемы съ успѣхомъ для ея утвержденія, тогда онъ неизбежно обратится къ этимъ мѣрамъ, разумѣется, если у него только есть возможность прибѣгать къ нимъ. Наконецъ, есть вѣдь и фанатики излагаемой теоріи, которые готовы идти противъ всѣхъ несповѣдующихъ ее, посматривая ни на что. Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно обратиться къ несолиднымъ задорнаго фанатизма и высококомѣрнаго презрѣнія рѣчамъ Геккеля, въ которыхъ онъ требуетъ замѣны изученія въ школахъ „устарѣлаго символа вѣры“ изученіемъ доктрины эволюціи, послушать Фогта, глумящагося надъ свршемъ Адамомъ и готтентоткой Евой, и затѣмъ послушать—хотя это и не особенно пріятно—многочисленныхъ учениковъ Фогта и Геккеля, которыхъ можно найти между натуралистами всѣхъ странъ и у которыхъ вѣра въ несповѣдуюмую ими теорію вообще обратно пропорціональна ихъ талантности и поэтому, понятно, у нѣкоторыхъ очень сильна.

(Окончаніе слѣдуетъ).

С. Глаголаевъ.
